

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
Мой милый, что тебе я сделала?!
/ М. Цветаева /

Я ее ненавижу. Когда думаю о ней, сначала темнеет в глазах, голова начинает кружиться так, словно меня усадили в центрифугу, желая проверить вестибулярный аппарат, затем к горлу подступает тошнота, что ясно дает понять – испытание я не прошел. Не быть мне космонавтом. Зато теперь я дипломированный экономист, о чем мечтала моя мать.

Она ушла из жизни восемь месяцев назад, после тяжелой болезни. Первым чувством было облегчение – она перестала мучиться, а мы страдать от беспомощности. Напряженная атмосфера, поселившаяся в нашей квартире, вдруг разрядилась, унося с собой запах лекарств. Вскоре ей на смену пришла обида – почему мать покинула меня? Обида с примесью боли. Постоянная тупая боль, засевшая глубоко внутри и жующая тебя, как червяк яблоко. Вдвоем потерю вынести легче, четыре плеча справятся с тяжестью проще, чем два. Мы не говорим о человеке, который был для нас всем, переключаемся на приятные воспоминания, будто он не покинул нас навсегда, а временно отсутствует. Без указания этого времени...

Тогда я не знал, что может быть еще хуже. Более четырех месяцев мы жили в иллюзорном мире, и вдруг все пошло прахом. Я не Атлант, глыба по имени горе вскоре раздавит меня.

Я не думал, что отец окажется предателем и спихнет со своих плеч утрату близкого человека.

Теперь я остался один на один со своей душевной болью...

- Сынок, тебе нужно отдохнуть. – заявил человек, некогда считавшийся моим родителем. Он с беспокойством смотрел на меня, а я лежал на любимом диване и изучал потолок. Не дождавшись ответной реакции, он присел рядом, от чего мне стало трудно дышать, и я поспешно отвернулся от него, перекатившись на бок.

Теперь моему вниманию предстала спинка бежевого дивана с выдавленными узорами. Я непроизвольно стал водить пальцем, словно искал выход из узорного лабиринта.

- Я понимаю, ты устал, - снова начал господин Василенко, - госэкзамены, защита диплома, ... и смерть матери.

- Сначала смерть мамы, а потом все остальное, - задумчивым голосом Кая из «Снежной Королевы», уточнил я. Так главный герой говорил в ту пору, когда вместо сердца у него был кусочек льда. Со мной происходит тоже самое. Я безразличен ко всему и всем, даже к предателю отцу. Хотя, нет, безразличием не пахнет, если в тебе живет ненависть. Чувство-крайность, помогает справиться с ноющей болью и обидой.

Валерий Иванович прикоснулся ладонью к моему плечу, я дернулся, словно получил электрический разряд, а он сразу отдернул свою длань.

Длань, рвань, погань, - пугалось у меня в голове. – У него длань, я уйду из дома, оставив на столе диплом, которым он так гордится, и стану уличной рванью... А одна погань займет место матери. Не только в его сердце, но и на правой стороне огромной кровати, где когда-то лежала самая лучшая женщина на свете.

После моего рождения мать пожертвовала всем – карьерой, друзьями, даже отцом, сместив его на второе по значимости место. Она боготворила меня...

Когда я был дошколенком, то с нетерпением ждал ухода папы на работу. Входная дверь закрывалась, я поднимался и шел к матери, прихватив любимую книжку. Она читала, я внимательно слушал, пристроив голову на ее плечо. Это были самые счастливые моменты в моем детстве...

- Хочешь, я куплю путевку в какую-нибудь экзотическую страну? – вкрадчивым голосом поинтересовался господин Генеральный директор открытого Акционерного Общества, куда должен влиться молодой дипломированный специалист.

- А сам ты, куда собираешься ехать в отпуск? – безликим голосом спросил я, не отрываясь от захватывающего занятия.

- Никуда, дел много... А ты хотел, чтобы мы вместе...

- Не хотел! – отрубил я.

- Что тебе делать в июле в загазованном городе?!

- Ты так старательно выпихиваешь меня из дома, что я начинаю подозревать... неладное. Неужели в команде назревает замена? Вместо сына в дом войдет новая супруга, которая сменит замки и не пустит отдохнувшего на островах сыночка в родные пенаты. Или это будет твоя инициатива – зачем нужен конкурент в лице молодого человека, значительно превосходящего в возрасте муженька, но уступающего пяток лет пустоголовой дамочке?

- Лена не пустоголовая дамочка, - усталым голосом заявил отец. – И я не собираюсь с ней оформлять отношения.

- Можно жить и без брака, - убийственным тоном сказал я. – Нужно проверить свалившиеся на голову чувства, а ж потом... выставлять сына.

- Я никого не собираюсь выставлять!.. И не желаю обсуждать свою личную жизнь!

- Раньше у нас была общая жизнь, а теперь у каждого своя. Личная! – выплеснул я ему в лицо, как ругательство. Эмоции вылились через край, заставив взлететь на диване. Я хотел повторить привычный ритуал – выйти и сильно шарахнуть дверью, но передумал – это мое ЛИЧНОЕ пространство, пусть он и выметается. Но отец выметаться не спешил и завел песню о любви, которая незаметно вошла в его жизнь, жизнь немолодого мужчины, который думал, что все хорошее осталось в прежней жизни, когда была жива Мила...

Мне хотелось упасть на пол и биться, как в детстве, когда мне отказывали в покупке очередной игрушки. Это было редкостью, позднему избалованному чаду позволялось все, и любой каприз исполнялся мгновенно. Теперь желание истерить проснулось вновь. Неплохо бы сейчас упасть на пол, бить руками и ногами и верещать, как резаный поросенок: - Не смей! Не смей произносить имя матери рядом с этой!..

Может, вылившиеся таким образом эмоции упорядочат мои мысли?

Но я стоял у окна и смотрел на вымершую улицу, где царил июльский зной. Редкие прохожие лавировали под сенью раскидистых каштанов, избегая раскаленных лучей солнца, настойчиво достающих их сквозь листву. Я нервно барабанил по подоконнику, радуясь, что светило повернуло за угол, и терпеливо поджаривает окна соседей. Сердце бухало, повторяя звуки тревожного набата, призывая неведомые силы прийти мне на помощь. Я знал, что успокоение придет в одном случае – когда пассии отца не будет рядом с ним. А придет ли оно? Или пусть будут рядом, но не на этом свете?..

Я никогда не смогу простить его. Ни-ког-да.

А может, господин Василенко прав? Мне необходимо уединиться, успокоиться и с совершенно трезвой головой разработать план устранения препятствия на пути к спокойной жизни. Все хорошенько просчитать, а по возвращению приступить к реализации плана? Придумать что-нибудь незатейливое, легко исполнимое, но гениальное до простоты. Пусть великая актриса исполнит свою последнюю трагическую роль!

Я уже хотел порадовать отца, заявив, что оставляю парочку тет-а-тет, но уловил последнюю фразу.

- Лена уезжает в Сочи на гастроли...

А почему бы мне тоже не рвануть на родное Черноморское побережье? Возлюбленная Валерия Ивановича меня в глаза не видела, в отличие от любознательного молодого человека (это я про себя), успевшего насладиться ее редкой красотой, которая сотворила чудо – вернула папашу во времена молодости и страсти. Машина времени, а не женщина! Он говорит, что их чувства взаимны. Ха-ха-ха! И еще раз ха! Она в два раза моложе его. Когда девочка Лена появилась на свет, отец руководил механическим цехом, в двадцать семь-то лет! Жил в браке с прелестницей Милочкой, технологом того же цеха, и мечтал о прибавлении в семействе... И чего бы сейчас не ждать внуков? До пенсии осталось всего четыре года! Задумайся о душе, не буди нездоровое сердце, замершее в режиме покоя! Так нет! Любовь ему подавай! Того гляди, братцем обзаведусь или сестричкой...

Я всегда был эгоистом. Когда мать заводила разговор о рождении еще одного ребенка, я закатывал такие истерики, что поднималась крыша нашего многоквартирного дома. В меня заливали пустырник, потом сладкий чай, снова пустырник, в дополнении раскрывали огромную коробку конфет, которые я брал своими пухлыми ручками и бросал в родителей. Отец исчезал и вскоре возвращался, увешанный подарками. Мы садились на пол, и начинался привычный ритуал – родители распаковывали коробки и восторженно ахали, я исподлобья следил за всем происходящим, изредка пошмыгивая носом и утирая давно высохшие слезы. Пока не завязывалась игра, участником которой меня долго уговаривали стать. И я снисходил... Я всегда снисходил... Меня просили, я снисходил. Поэтому у меня нет друзей. Сверстникам ничего от меня не нужно... Девчонки липли ко мне, но быстро отставали, устав биться о надежную броню. Где они, а где я. Они ползают по земле, а я парю высоко в небе. Я умен, красив, богат. Зачем тратить время на холопок? Не ровня, - утверждала моя мать, оценивая очередную особу, набивавшуюся мне в подружки. И сразу начинала перечислять мои достоинства, забывая их мне в голову. Но я могу увлечь даму. Я начитан, по мере надобности разговорчив, сексуален, если захочу спуститься на землю. Такое было пару раз и партнерши сходили с ума...

В случае с дамой сердца моего папаша думаю, что мой сексуальный опыт останется без надобности. Спать с врагом я не могу и не хочу, не говоря об элементарном ухаживании – прикоснуться к этой женщине – все равно, что приложиться к раскаленному утюгу.

Я заявил отцу, что решил подлечить нервную систему, чему он был несказанно рад, словно вместе с нервозностью улетучиться неприязнь к Елене Пробер, великой актрисе современности. Господин Василенко хотел подсуетиться и приобрести путевку для единственного пока чада, но двадцатитрехлетнее чадо Андрей Валерьевич выказало желание самому выбрать место восстановления расшатанной нервной системы. Отец снабдил меня достаточной суммой денег, часть которых я потратил на приобретение билета в южный город Сочи, заранее наведя справки, когда отбывает местный драматический театр. Я хотел увидеть трогательную картину прощания, которая подкинет сухих дровишек в мой и так пылающий душевный костер, не давая тому погаснуть и отказаться от принятого решения...

Они стояли на перроне и шевелили губами, не сводя друг с друга опечаленных глаз. Актриса незаметно смахнула набежавшую слезу, в чем окончательно убедила в своей бездарности. Сначала отец просто держал ее за руки, что напоминало картину расставания советских времен, почерпанных из старых кинофильмов, которые любила моя мать. Они походили на двух комсомольцев, отправляющихся на разные стройки коммунизма. Не хватало покачиваний сцепленных рук из стороны в сторону, соприкасаясь в нижней точке с разводом по бокам. Я напряженно стал ожидать «детского» прощания, что успокоило бы меня и навело на мысль, что между этими людьми сложились чисто дружеские отношения. Всего лишь опекун и его подопечная.

Этот вариант мне также не нравился, но был допустимым. Но надежде не суждено стать реальностью: отец с чувством прижал руки девушки к своей груди, склонился к ней и стал нашептывать что-то интимное.

- Сейчас я зарыдаю! – ехидно заметил я, смакую сцену расставания через стекло зала ожидания.

Валерий Иванович закончил пламенную речь, интимно дотронулся губами до ее перламутровых уст, затем нежно посмотрел на женщину, ожидая реакции. Она кивнула в ответ и закусила нижнюю губу, боясь расплакаться и огорчить мужчину.

- Побереги его, побереги, - хмыкнул я, - а то давление подскочит и наступит аллес капут. На это ты, девочка, не рассчитываешь! А рассчитываешь ты на огромную жилплощадь и кусок пирога от наследства. Но не выйдет!

Меня начало трясти, душевный костер разгорелся с удвоенной силой, пламень достигла головы и помутила мой разум. Перед глазами все поплыло, дорожная сумка выпала из рук, я покачнулся, вовремя схватившись за холодную стену. Затем припал к ней лбом. Подступившая тошнота задумалась и решила повременить, отхлынув от горла. Прохлада от стены просачивалась в организм, приводя его в норму.

- Вам плохо? – услышал я звонкий голос. Я не отреагировал, отвечать не было сил, в горле пересохло, словно я бродил по пустыне несколько суток без грамма воды. – Вам плохо! – заверил меня тот же голос. – Я сейчас. Рядом раздалось шуршание, после чего я ощутил еще один остров холода – у своего локтя, к которому приложили что-то приятно-ледяное. – Вы попейте, попейте, легче станет, - попросили меня. – Мыслимо ли дело, на улице жара за сорок, любой сознание потеряет... Даже такой молодой и здоровый на вид мужчина. – Продолжала вещать девушка.

Я смилостивился и забрал из ее рук бутылку с водой, не отрывая лба от стены и не раскрывая глаз. Приложил ее к груди, «заливая» пожар холодом. Другого выхода у меня не было - иначе я могу растянуться на пыльном полу и привлечь к себе внимание не только посторонних, но и собственного папаши, который проследует через зал ожидания после расставания со своей дамой. Подкинуть очередные поленья в костер ненависти я смогу легко – один брошенный взгляд в сторону госпожи Пробер, и я готов к мести.

Когда я смог приложиться к горлышку бутылки, то боковым зрением заметил женскую фигуру, удовлетворенно наблюдающую за моим кадыком, реагирующим на проникновение целебной жидкости.

- Вам нужно присесть! – уверенно заявила девушка, подхватывая меня под локоть.

Я не люблю, когда ко мне прикасаются посторонние, поэтому слишком резко выдернул руку.

- Извините, - без обиды произнесла она и указала на свободное место в очереди синих пластмассовых сидений. – Пройдите вон туда, присядьте, а то не ровен час грохнетесь на пол.

- Вы приезжая, - догадался я.

- Проезжая, - улыбнулась она. – Я из поселка Ситяжный, от города километров тридцать будет. В этом году школу окончила, в универ поступила...

- Когда же Вы успели?

- Так по результатам ЕГЭ, - удивленно пояснила она.

- А-а-а, - протянул я, - тогда, конечно... И что же дальше? Домой возвращаетесь? Кстати, в какой ВУЗ вы прошли по результатам... ЕГЭ? – Странная аббревиатура вызывала желание глупо запеть «Е-е-е гали-гали», что я мысленно и сделал, замечая, что настроение быстро поползло вверх, как эскалатор в метро.

- В Технический Университет! – с гордостью сказала девушка.

- Поздравляю...

- И еду я не домой, а в Туапсе! – на той же радостно – торжественной ноте продолжила она, проглотив мое поздравление.
- Отдохнуть, - продолжил я незаконченную фразу.
- Не догадались! – расцвела она, словно выиграла огромную сумму в лотерею. И не стала ожидать дальнейших предположений с моей стороны, - я буду работать официанткой! – с нажимом произнесла она, будто официантка на самом деле была не официанткой, а депутатом местного собрания с прилагающимися привилегиями.
- В Туапсе? – удивился я. Город представлялся мне скоплением предприятий с дымящимися трубами и отсутствием праздно шатающихся отдыхающих, одержимых желанием пропустить стаканчик прохладительного напитка в одном из летних кафе в жаркий полдень и откусить с пылу с жару шашлычка в сопровождении стаканчика красного вина прохладным вечером.
- В Туапсе, - подтвердила девушка и впервые сникла, задумчиво наморщив лоб. – У меня там тетка живет... Не родная тетка, а... - она прикинула в уме, как связать родство с жительницей промышленного города, одновременно являющимся курортом. – Жена двоюродного брата отца. Но муж ее давно умер, - поспешила доложить она, словно это обстоятельство имело немаловажное значение.
- Пятая вода на киселе, как говорила моя нянька, - окончательно развеселился я.
- Нянька?! – она приподняла брови, спрятав их под русой челкой, перекрывающей лоб посередине лба, от чего выглядела забавно. Затем окинула меня оценивающим взглядом, сверяя внешние данные, соответствующие наличию няни. На мне узоров не было, как не было веселеньких белокурых локонов и коротких штанишек, в которые по традиции должна быть заправлена белоснежная сорочка с легкомысленными рюшами. Таким, по мнению незнакомки, должен быть барчук, разгуливающий по городскому саду в сопровождении няньки в чепце.
- Мама быстро ее уволила, посчитав ее работу неудовлетворительной, - пояснил я, чего ранее за собой не замечал. Чтобы я, первой встречной, пусть даже спавшей меня от неминуемого самосожжения, рассказывал о тонкостях моего воспитания - никогда!
- Ну, если так, - передернула она плечиками, вернула на привычное место брови, тряхнула волосами, стянутыми на затылке резинкой, и зыркнула в мою сторону зелеными глазами, ожидая следующего страшного заявления, после которого нужно «брать ноги в руки и бежать без оглядки».
- Значит, из-за... тетки Вы решили поехать в Туапсе. – Я уже представлял, как хваткая родственница загрузить девчонку по полной программе, включающей в себя всю золушкину работу. А что? Самый сезон, предприимчивая дама сдает все углы, включая балкон, отведет кисельной родне место в чулане и заставит отрабатывать постой от зари до зари... А деревенская родственница рассчитывает подзаработать деньжат, бегая между столиками с подносом, и пополнить свой скудный гардероб перед началом учебы. Или помочь отцу с матерью, что тоже вероятно.
- Тося меня уговаривала поехать в Сочи... Тося это моя подруга, - пояснила она. – Мы вместе в школе учились и вместе поступили в университет. Она мне звонила вчера из Сочи, - девушка с таким благоговением произнесла название курорта, что я догадался о ее истинных желаниях. И о боязни оказаться в незнакомом месте, где нет тетки. – Говорит, что устроилась в приличное место... И люди еще требуются...
- Вот и езжайте в Сочи! – призвал я.
- Как же я поеду, если билет у меня до Ту-ап –се, - голосом учительницы, толковывающей нерадивому ученику прописные истины, произнесла она.
- Не думаю, что это проблема.

- Но как же, - она испуганно посмотрела на меня, словно видела во мне проводника в форменной одежде и фуражке, выдворяющим ее на станции, где ясно читалась надпись с названием южного города с дымящимися трубами.

- На ваше место никто претендовать не будет! Начиная с Туапсе, люди только выходят, радостно вываливаясь на частых остановках.

- Но билет...

- Можно договориться с проводником, - предложил я.

- В смысле доплатить?

- Именно!

Неосторожный вздох, вырвавшийся из груди девушки, сказал мне о материальных затруднениях.

- Я могу Вам одолжить! – это говорил не я, не Андрей Василенко, отвергающий взаимные займы.

Она пропустила челку сквозь пальцы, потом подула на нее, оттопырив нижнюю губу, поняла, что испортила красоту и быстро пригладила ее ладонью. Потом подумала и слегка приподняла, уперев в тыльную сторону кисти, отчего челка стала еще короче, а девушка еще смешнее.

- Я предоставлю Вам нужную сумму, а Вы вернете, когда заработаете, - высказался я, заметив колеблющуюся задумчивость.

- Но как...

- Очень просто, я дам Вам номер своего телефона, Вы позвоните и назначите встречу, когда соберете нужную сумму.

- В Сочи? – спросила она, вытирая вспотевшие ладони о простенькие джинсы, которые, надо признаться, отлично сидели на ее фигуре. Дополняли образ странствующей студентки бежевые шлепанцы, врезавшиеся перепонкой между пальцами, и идеальной чистоты белая футболка без надписей, стразов и ликов неземных красавцев.

- В Сочи, - подтвердил я и хотел нацепить на уста приветливую улыбку, но замер с перекошенным ртом, заметив отца, гордо вышагивающего через зал.

Я бросил взгляд за окно, где на первом пути продолжал томиться в ожидании поезд. А почему Вы, господин Василенко, не дождались отправления и не помахали накрахмаленным носовым платком в след уходящему составу? – подумал я и ощутил внутреннее ликование. – Из чего я могу заключить, что любовь не перевесила служебный долг. Следовательно, женщина по имени Елена Прекрасная не украла сердце немолодого повеса, и у меня есть надежда... По жизни вы скромны, с актрисой вы повеса, - перефразировал я слова писателя Грибоедова.

- И я готов расцеловать город Сочи за то, что свел меня с тобой, - промурлыкал я вслух.

- Это вы сейчас кого имели в виду? – заморгала зелеными глазами девушка, которая до этого метала взгляды по залу ожидания, не понимая моего интереса к окружающим.

- Пошли, красавица! – призвал я. – Поезд ждать не будет! Кстати, как Вас зовут?

- Аня... Анна Николаевна Тарелкина... А Вас?

- Андрей Василенко. – Я забрал из ее рук небольшой рюкзачок. Сегодня я был... джентльменом.

- Андрей... - начала она и запнулась, ожидая подсказки в виде отчества.

- Валерьевич... Но можно просто Андрей. Или я кажусь Вам старым?

- Что Вы! – задыхнулась Аня. – Вы такой... необыкновенный. И добрый...

Добрым меня еще никто не называл. Эгоистом был и еще кое-кем, в зависимости от обстоятельств, но никто не смотрел на меня с таким... Нет, не обожанием, что мне всегда льстило, а с интересом без поклонения. Так изучают ученые биологи невиданное растение, появившееся в ботаническом саду без их вмешательства.

Довольно игры в благородство, - мысленно приказал я себе, оказавшись в купе и провожая взглядом перрон родного города. – Кем я вернусь? Победителем или...

Лена тоже смотрела в окно, за которым город спешил распрощаться с отъезжающими. Соседка по купе Люба Недосекова, она же костюмерша и подруга, что-то непрестанно щебетала, как любой человек, редко покидающий насиженное место, но Пробер не слушала. В груди поселилась тоска, вытеснив с пьедестала нагрывавшее неожиданно счастье...

Они познакомились не в привычной для Елены атмосфере театра, когда в грим - уборную частенько заглядывают приятели и совершенно незнакомые люди, желая выказать свое искреннее восхищение игрой молодой талантливой актрисы, а на улице, где их познакомил случай. Или судьба, которая смилостивилась над двумя одиночествами и свела их в одной точке земного шара.

Лена не спеша шла по улице, наслаждаясь первыми погожими днями, сменившими мартовское безумие с утренними заморозками и резкими порывами ветра, удерживающего холодные массы в районе боевых действий за город, уже готовых к капитуляции. Душа и сердце пели в унисон, им вторили воробьи, одни вороны нерадостно покаркивали и готовились к отбытию в поля. Девушка замечталась и не заметила, как оступилась. Нога неприятно заныла, а ко всему пострадали туфли, вернее одна из них. Лена поняла, что каблук едва держится. Она хотела постучать ногой по тротуару, словно могла таким нехитрым способом соединить две разлучившиеся части почти новой обуви, но вскрикнула от боли. С ногой было что-то не так...

Только бы не перелом, - подумала актриса, вспомнив про сегодняшний спектакль, до начала которого осталось не так много времени. Она уже достала из сумки мобильник для вызова экстренной помощи в лице родного брата, но услышала приятный баритон. Мужественный, до драматизма.

- Пройдемте к моему автомобилю, - предложил представительный мужчина, особо не утруждая себя изучением личика особы, замершей в позе цапли посередине тротуара. Все его внимание сосредоточилось на пострадавшей конечности.

Неподалеку была припаркована машина с гостеприимно распахнутой дверцей, именно в ее сторону указывал седовласый господин. Лена попыталась встать на ногу, но лишь закусил губу от боли, не желая шокировать человека странным поведением, больше подходящим разнеженной барышне, которая только «страдает» и ждет участия. Она лишь развела в сторону руки, дескать, пардон, месье, но сие невозможно. Мужчина не стал задавать лишних вопросов, подхватил ее под коленки, как маленькую девочку и отнес в автомобиль, вокруг которого суетился водитель, не успевший прийти шефу на помощь. Усадил пострадавшую на заднее сиденье, обогнул машину и пристроился рядом.

- Миша, поехали к Владимиру Ильичу! – приказал он.

Несмотря на трагизм ситуации, девушка хотела вспомнить про вождя мирового пролетариата, но мужчина поспешил пояснить, что конечным пунктом их поездки является известный в городе Диагностический Центр, где с легкостью избавляет от недугов хирург Владимир Левин.

- Думаете, мне нужен... хирург?

- Вам нужен хороший врач, способный быстро поставить Вас на ноги. При вашей профессии нельзя отдаваться в руки шарлатанов, после их вмешательства... одна нога станет короче другой. - по-родительски заботливо произнес он. Так всегда отцы «запугивают» своих чад, которые боятся докторов больше рыбьего жира.

- Вы говорите такие страшные вещи... - подыграла ему Лена, покосившись на покалеченную ногу, пострадавшую по собственной оплошности. Но вдруг опомнилась. – А откуда Вы меня знаете?

- Во-первых, вашими изображениями обклеен весь город... - Мимо одной рекламной растяжки они в это время проезжали. - А во-вторых, я иногда хожу в театр.

- Вы на меня даже не взглянули, - раздосадовано высказалась девушка, обидевшись на скользкий взгляд. Она не любила тыканья пальцем в ее сторону, но обожала заинтересованные взгляды без подробных перечислений своих достоинств.

- Я должен был замереть перед вами в позе раба и пропеть речитативом в Вашу честь оду, которую успел сочинить, преодолевая расстояние от машины до женского изваяния?

- Так я госпожа или изваяние? – возмутилась Лена, внутреннее закатываясь от смеха, представив картину преклонения раба, возносящего до небес госпожу, не смеявшего поднять глаза долу, словно обращение адресовано плохо уложенному асфальтовому покрытию, благодаря которому произошел казус с ногой.

Впервые за короткое знакомство мужчина зацепился за актрису взглядом, а не привычно скользнул.

- Сейчас починим и... - он не выдержал и засмеялся. Так искренне и заразительно-задорно, что она не удержалась и подхватила порыв веселья, поселившийся в автомобиле, совершенно непривычному к такому выражению эмоций. Здесь всегда висела тяжесть задумчивости вперемежку с почитанием и мгновенным реагированием на приказы. Вирус не обошел и водителя Мишу, который усмехнулся в усы а-ля Владимир Мулявин, отчего произошел перекокс, напомнив коромысло с неравномерно набранными ведрами.

- Теперь я еще и кукла с отломанной ногой, - еле выговаривала девушка, даваясь от смеха, - ни... никогда я не была сразу в трех ролях...

- Извините, совсем разучился... оказывать знаки внимания дамам...

Тезка вождя вправил вывихнутую ногу, туго перепеленал ее, как младенца, и привычно успокоил, что до свадьбы заживет.

Уже на следующий день спаситель позвонил Елене и поинтересовался, измеряла ли она длину ног, на что девушка поспешила ответить, что измеряла и пришла в ужас, заметив разницу в десять сантиметров, и попеняла на хирурга Левина, который поначалу показался ей прекрасным специалистом.

- Это моя вина, - покаялся Василенко. – Берусь все исправить.

- Кто будет на это раз? Иосиф Виссарионович?

- А Валерий Иванович Вас не устроит? – игривым тоном поинтересовался он.

Ей хотелось заверить, что очень устроит, весьма подходящая кандидатура во всех отношениях. Это она поняла с первого взгляда. Но для начала попыталась снизить частоту и умерить громкость одного важного органа, приложив ладонь к груди, призывая его к спокойствию. Его усиленную работу могли слышать все люди во вселенной, не говоря о телефонном абоненте с вкрадчивым голосом.

- А он врачеватель душ или врачеватель покалеченных конечностей? – выдала она шутливым тоном, в котором проскальзывало напряженное ожидание.

- Ни то, ни другое! Но я могу сказать больше... Он сам серьезно болен, - доверительным тоном поведал Василенко. – И сейчас ищет человека, чтобы... заразить своим вирусом, подхваченным у легкомысленной весны.

- А давно... его беспокоит этот недуг?

- Еще не прошли сутки.

- И этот... Валерий Иванович сразу узнал о своем недомогании?

- Сразу! Едва оказался на улице, покинув крепость-автомобиль.

- Конечно, - протянула Лена, - сейчас все подвержены заболеваниям. Весна, знаете ли... - и добавила с умным видом, - иммунологическая недостаточность... Не надо было выходить из машины...
- На то была веская причина. Почему-то обострилось зрение, - поведал доверительным тоном мужчина, - замечаешь то, на что раньше не обращал внимания. Думал, уже все позади, перешел границу и оказался на другой стороне, где всего этого нет и, увы, не будет.
- Чего нет? Чего не будет? – устала от иносказательных выражений Пробер.
- Чувств, восприятий, обострений, приятных ощущений, желаний. Решил, что стану жить в стране воспоминаний.
- Это не жизнь, это ожидание придвигающегося цунами, которое должно прийти и накрыть с головой. Может, через год, Может, через десять. Ты не знаешь, но упорно сидишь и ждешь, не желая спастись. Ты зомбирован на конец...
- Я тоже сидел на берегу и ждал, но вчера проснулось желание повернуться в сторону жизни. Оказывается, жизнь удивительна своими непредсказуемыми сюрпризами...

Я устроился в той же гостинице, что и труппа драматического театра. Проблем не возникло, отдыхающих отпугивала стройка – страна готовилась к Олимпиаде.

Всю ночь в поезде я размышлял. Изображать из себя влюбленного мужчину я не в силах, в моих глазах легко читается отвращение, а на лбу крупными буквами написано: Я тебя ненавижу!

Но я могу стать несчастным, требующим участия совершенно незнакомого человека. Таковым я и являюсь, только общение с актрисой Пробер, которая выбила из отца память о другой женщине, станет нелегким для меня делом. Но игра стоит свеч... На кону мое душевное равновесие...

Я старался не «мозолить глаза» Елене. Но она никого не замечала вокруг. С утра отправлялась на репетицию, после обеда шла в Дендрарий, где бродила по дорожкам с отрешенным видом или сидела в беседке и смотрела на пруд, по которому важно лавировали лебеди. Ее лицо оживало в те минуты, когда звонил отец. Она начинала восторгаться местными красотами, рассказывать о вчерашнем аншлаге и о благосклонной публике, интересовалась его делами и долго слушала, что он отвечает. За все время с ее уст не сходила счастливая улыбка, а у меня сводило скулы от горечи и обиды. Потом шло долгое прощание и обещание перезвонить, каждый раз разговор заканчивался одной и той же банальной фразой.

- Валерочка, я тебя люблю. Я безумно тебя люблю и скучаю...

В ответ абонент произносил что-то подобное, потому что девушка расцветала на несколько минут, как экзотический цветок с короткой продолжительностью жизни, и тут же сникала после окончания разговора. Подолгу сидела на скамейке, уперев взгляд в землю, мне даже показалось, что по ее щекам бегут слезы.

- Не волнуйся, я скоро избавлю тебя от мук, - заявил я, спрятавшись под сенью раскидистого дерева. Злоба душила меня и мешала нормально мыслить. Я пытался взять себя в руки и спокойно размышлять в тиши своего номера, надеясь, что вдали от ЭТОЙ женщины я оторву от своего горла руки ненависти. Но на смену пренеприятной особе приходила мать. Едва я растягивался на кровати, она появлялась из угла и смотрела с укором. Я ежился под этим взглядом и мысленно молил, чтобы мать ушла. Но она продолжала стоять, словно ждала от меня заявления.

- Я обещаю, что отомщу за тебя, - с трудом выговаривал я и проваливался в бездну беспокойного сна, после которого чувствовал себя разобраннным по частям.

Быстро принимал холодный душ и шел к морю, зная, что моя подопечная не нуждается в моей опеке. Каждое утро от пристани отходил теплоход, а на причале в небольшой

строении, напомиавшем выросшую собачью будку, сидела девушка и продавала билеты. Время от времени она покидала пристанище и зазывала отдыхающих совершить морскую прогулку. Рупор разносил объявление по пляжу, и от желающих не было отбоя. Так я узнал, что рейсы повторяются каждые три часа, а во время последнего короткого круиза на борту проводятся увеселительные мероприятия.

Я сложил Дендрарий и теплоход и получил ответ на мучивший меня вопрос...

Лена прогуливалась по одному и тому же маршруту – по аллее к пруду и обратно. Я взял «снаряжение» и отправился в Нижний Дендрарий заранее. После полудня людей было мало, поэтому можно не волноваться, что посторонний вмешается в разыгранный мною спектакль и смешает мне карты. Я выбрал в качестве неодушевленного участника старый платан, закинул на него веревку и соорудил некое подобие петли. Даже просунул в нее голову, почувствовал себя самоубийцей, готовым совершить последний шаг.

Мой слух был так обострен, что ее шаги я услышал метров за пятьсот. Так мне показалось. Стал к аллее вполоборота и сосредоточился на веревке, отключившись от внешнего мира. Так, по моему мнению, должен поступать отчаявшийся индивидуум, стоящий на границе жизнь-смерть. Все человеческое ему чуждо, все обрыдло, проблемы окружили и заставили капитулировать. Мысль о капитуляции прочно засела в голове, как мина замедленного действия, и ждет положенного часа.

Шаги приближались. Мои руки вспотели, я оторвался от веревки и спокойно вытер их о край легкой джинсовой рубашки на выпуск, как о полотенце. С неудовольствием оценил мокрые пятна и помятость, мысленно обозвал себя неврастеником, и вернулся к ощупыванию веревки.

Шаги сначала замедлились, а после наступила тишина. Я не знал, что за ней проследует: быстрая ходьба, как способ избавления от чужих проблем, или вопрос и пламенная речь начинающего психолога.

- А... что Вы делаете? – по-детски непосредственно спросила Пробер. Не хватало закусить указательный палец и склонить на бок голову.

Я молчал и с особым усердием продолжил манипуляции с петлей, высоко задрав порядком затекшие руки. Прослабил ее, удовлетворенно кивнул, приблизился к стволу платана и постучал по нему, будто проверял его устойчивость.

- Молодой человек! Я к вам обращаюсь! – теперь голос принадлежал молодой девушке, не разобравшееся в ситуации и поэтому не знающей, как себя вести.

Я визуально проложил расстояние от места своего пребывания до висящей в ожидании петли, прочертив глазами дугу, поплевал на руки и попытался вскарабкаться по стволу, но меня сильно потянули за рубашку, да так, что ткань затрещала. Пришлось оглянуться и «удивленно» уставиться на испуганную молодую женщину.

- Вы что это задумали?! – грозно поинтересовалась она, не выпуская из цепких рук моей одежды.

Я нахмурился, страхнул ее конечности и недовольно промямлил.

- Иди, куда шла! Не мешай человеку заниматься своим делом!

- Каким это делом? – возмутилась она, упирая кулачки в бока. Ее сумочка карманного размера, висящая на плече, недовольно закинулась за спину.

Со стороны я напоминал зомбированного мужчину, которому был отдан приказ покорить величественный платан. Ничего иного для него не существовало, а любые вмешательства бесили и вызвали желание расправиться с живым препятствием. Поэтому я зло зыркнул на Елену и выдохнул.

- Уйди!

- Не уйду! – сразу парировала она и схватила меня за запястье. Я потянул свою собственность на себя, присовокупив к ней девушку, скользнувшую следом.

- Чего ты ко мне привязалась? Я тебя знать не знаю!

- А я... хочу тебе помочь?
- Чем? Вернешь человека, которого уже нельзя вернуть?!
- Этот... человек... умер?
- Не твое дело! - четко выговорил я, делая весомые паузы между словами.
- Но ты... хоты бы, выслушай меня, - заканючила она.
- Зачем? Кто ты мне? Я тебя впервые вижу!
- С незнакомым человеком легче делиться наболевшим, - проникновенно произнесла девушка, не выпуская моего запястья.
- А я не хочу пережевывать свое горе! Я хочу уйти...
- Чтобы та-а-ам встретиться с близким человеком? – она закинула голову и взглянула на обрывки неба, в которое упирались макушки вековых деревьев.
Я отвернулся, всем своим видом показывая, что обсуждать болезную тему не намерен.
- Послушайте... Ну, давайте поговорим... Как Вас зовут?
- Ан... Антон, - снизошел я, не поворачивая головы.
- А я Лена. Антон, Вы так молоды...
- И у меня вся жизнь впереди! – рывкнул я и вырвался из ее цепких клещей. – Не говорите мне банальностей!
- Давайте поговорим на другие темы, - предложила Елена отчаявшимся голосом, как это делают хозяйки, уставшие от развлечения заехавших на месяц гостей. Все песни спеты, все танцы исполнены, альбом с фотографии изучен досконально, гости заскучали и выжидающе уставились на тамаду. И тут она вспоминает, что где-то лежит коробка с костяшками домино. Ура, выход найден! Примерно так была озвучена следующая фраза. – Я служу в Драматическом театре, у нас случаются такие курьезы...
- Прямо, нарочно не придумаешь! – хмыкнул я, прерывая замаячивший на горизонте рассказ о курьезах.
- Ладно, - быстро перестроилась она, - давайте поговорим о... - и призадумалась, выискивая тему для разговора с незнакомцем.
- О погоде, - с готовностью предложил я, растянув губы в искусственной улыбке.
- Великолепный июль в этом году, - пролепетала Пробер, попавшись на уловку.
- Жара, - сразу отрубил я, поддерживая спиной ствол платана. – Но вечерами довольно прохладно. Мы походили на двух придурков, решивших перед смертью одного из них обсудить особенности местного климата.
- А давайте Вы сейчас пойдете... Вы где остановились?
- Может я абориген?
- Нет, на аборигена Вы не похожи, - задумчиво сказала Лена, отступая на шаг, и окидывая меня оценивающим взглядом. – Вы совсем не загорели. Наверное, недавно приехали?
- Недавно, - односложно подтвердил я, присовокупив кивок.
- Идите в гостиницу, отдохните, - засюсюкала она. – Поверьте, вы проснетесь в другом настроении.
Я ждал иного предложения, поэтому мотнул головой, как конь, и снова приладился к стволу дерева, желая достичь заветной цели.
- Я Вас очень прошу - оставьте свою затею! - с материнской заботой в голосе сказала любовница моего отца.
Я налепил на лицо маску задумчивости, ожидая от женщины еще одного шага, который окончательно отведет меня от петли.
- Давайте встретимся вечером и погуляем. Полюбуйтесь празднично одетыми людьми, повеселимся. Я не стану докучать Вам философскими разговорами. Мы можем, вообще, молчать.

Опа-на! – мысленно возликовал я. – А рыбка-то плывет в наши сети, - радостно заключил я, напуская на себя робкую сосредоточенность, способную привести меня к правильному решению.

- Соглашайтесь, - мило улыбнулась она.

Я резко отвернулся, чтобы не видеть ее лица. Дендрарий закружился в круговороте и затянул меня в свою пляску. Я нашел подпорку в виде старого платана и заскользил по его корявому стволу спиной. Последовавшие за этим болевые ощущения вернули мне разум, но глаза открываться отказывались.

- Оставьте меня, - прошептал я.

Пробер поняла, что ей лучше удалиться. Но перед уходом она склонилась надо мной.

- Антон, я буду ждать Вас вечером в десять тридцать у...

- На набережной в районе центрального причала, - скороговоркой произнес я, грубо перебив ее.

Передозировка этой женщиной моему организму была противопоказана.

Она об этом не догадывалась и продолжала трезвонить у моего уха.

- Я раньше придти не смогу, у меня сегодня спектакль... Антон, я Вас очень прошу – не надо совершать необдуманных поступков! Сейчас напряжение спадет, ему на смену придет апатия, но Вы найдите в себе силы на вечернюю прогулку. Вам станет значительно лучше...

Я загордился от нее руками. Она вздохнула, попрощалась и ушла.

Дышать стало легче, словно я снял противогаз с плохой подачей воздуха...

Я наблюдал за удаляющейся фигурой сквозь ресницы, видел ее постоянные развороты в мою сторону и ловил странный взгляд, в котором царил испуг. Она боялась не меня, не грядущей встречи на набережной, она напомнила женщину, не способную принять правильное решение...

В назначенный час мы встретились и отправились в вояж по ночному морю. Я заранее поинтересовался в шуточной форме, не трусит ли она и сможет ли спасти мужчину, если теплоход надумает отправиться на дно? Она ответила, что надеется на помощь своего спутника, так как, во-первых, боится воды, тем более темных ночных морских вод, напоминающих ей омут, а во-вторых, обучена одному виду плавания – топориком на дно. Мы оба повеселели: Лена порадовалась моему шутивому настрою, а я - ее неумению плавать.

В случае непредвиденных происшествий, пловец без высокого разряда мог запросто преодолеть расстояние от места крушения до берега. Прогулочный лайнер бороздил морские просторы в зоне видимости города Сочи, курсируя параллельно набережной, будто боялся оторваться от любимой матери, держащей его на невидимой цепи.

Народу набилось сверх меры. Кто-то накачивался в баре, кто-то танцевал, кто-то уединялся в закутках теплохода. Мы загорелись желанием поболтать, порассуждать о жизни в общем понимании и о моем будущем в частности. Инициатором выступил я, но Лена с удовольствием поддержала мой порыв. Я с сарказмом подумал, что мое будущее светло и радостно, в отличие от моей спутницы, для которой совсем скоро наступит финал и темнота.

Я не хотел покидать нижнюю палубу, нашел подходящее для беседы место, мы придавили локтями поручни теплохода, и стали следить за проплывающими вдали огнями Сочи. Елена о чем-то рассказывала, я не прислушивался, но встрепенулся, когда мой слух резануло знакомое имя, и сразу понял, что она восторженным голосом рассказывает о встрече с МОИМ отцом, перевернувшей ее жизнь. Она не имела права выливать на меня ушат своих чувств и произносить его имя с таким благоговением.

Огни Сочи расплылись у меня в глазах, раскидав по сторонам прожекторы- лучики. Вся кровь прилила к голове, попыталась уместиться в ней, но не могла – я почувствовал, как из носа потекла тонкая горячая струйка. Еще немного и я потеряю сознание, отключусь и не смогу совершить то, о чем думал все время. Вряд ли мне представится еще один шанс. Эта женщина не должна упоминать отца, быть с ним рядом! Он мой! Отец всегда принадлежал мне и матери. Но раз так случилось, и он предал меня, предал память о нашей Милочке, я обязан наказать его и человека, сподвигшего на это проступок. Время подстегивает меня на решительные действия, торопит и подсказывает, что вскоре я могу оказаться распластанным на палубе.

- Не надо при мне восторгаться ЭТИМ человеком. Он предатель и ничтожество! - мое заявление походило на контрастный душ. Речь девушки окатила ее горячей водой, а мое заявление – ледяной струей отрезвления. – Скоро наступит день суда! Я жестоко накажу его за все! - Кровь потоком текла из носа, но я не обращал на это никакого внимания, сосредоточившись на ненавистном лице.

Пробер приложила ладони к щекам, словно после ледяного душа я нанес ей оплеуху. Глаза Лены горели в темноте, как два уголька. Я не стал дожидаться опровержения и возвращения девушки в реальный мир вселюбви, подхватил ее за ноги и перекинул через перила. Она так была поражена и удивлена, что не успела вцепиться и закричать. За громкими раскатами музыки я не услышал всплеска, криков о помощи, понадеявшись, что жертва не станет бороться за жизнь.

- Она поняла, что заслуживает наказания! – голосом судьи заключил я.

Оставалось надеяться на неразговорчивость Елены. Мне бы не хотелось, чтобы она раструбила всем знакомым о морской прогулке с новым знакомым по имени Антон.

- Ха-ха-ха... Антон! Я сейчас умру от смеха! – я склонился к поручням и начал сотрясаться от приступов хохота. Сначала кровь продолжала смешиваться с черной морской водой, поглотившей одна особу, затем кровотечение прекратилось, унося с собой помутнение в голове и напряжение во всем теле...

Я был совершенно спокоен. До удивления спокоен. Ненависть разделилась пополам, одна часть бесследно ушла, а другая затаилась в ожидании, предоставляя время для отдыха и осмысления.

Я быстро преодолел холл, не успев шокировать постояльцев и администратора своим непрезентабельным видом. Долго отстирывал кровь с рубашки, любясь окрашенной в красный цвет водой, утекающей в слив, затем скинул оставшуюся одежду, стал под душ и смыл с себя общение с бывшей любовницей моего отца, которая, бедняжка, моими усилиями пошла на корм рыбкам.

- Приятного аппетита! – пожелал я обитателям морских глубин, сладко зевнул и, наконец, заснул сном человека, исполнившего свой долг. Пусть наполовину.

Кто-то ритмично скреб метлой по тротуару. Я надвинул на голову подушку, решив, что это дворник и наступило раннее утро, но краем непроснувшегося глаза уловил тьму ночного неба, искусственный свет улицы и... кружащее по номеру существо под вуалью. Я затаился под подушкой, сон слетел с меня под действием ураганного испуга, вклинился в мое тело и занял в нем все закоулки.

Кружение ночной визитерши сопровождалось шорохом жесткого атласа, из которого было пошито черное платье. Центр вращения стал смещаться в мою сторону, я закинул на подушку одеяло, соорудив оборону, но оставил зону для визуального наблюдения.

Она приблизилась ко мне на расстояние вытянутой руки и замерла, мгновенно закончив свой нелепый танец без музыкального сопровождения. Я попытался рассмотреть ее лицо под черной вуалью, но не смог- гостя стояла спиной к окну – единственному источнику света, обрисовывавшему ее контур. Она скрестила спереди

пальцы и замерла в позе ожидания. Я хотел спросить, кто она и что делает в моем номере, но побоялся заявить о себе. Вдруг она не заметила меня, сейчас постоит и уйдет. Или можно предположить, что женщина страдает лунатизмом, тогда будить ее тем более не следует. Но почему на ней надето черное платье, а на голове вуаль? На пижамный костюм этот наряд не похож...

- Зачем ты это сделал? – прорезал ночную тишину знакомый голос. Она откинула вуаль, и я увидел мертвенно-бледное лицо.

- Лена! – я подавился этим именем. Оно застряло в моем горле и перекрыло кислород...

Острый укол солнца в мой глаз возвестил о наступлении утра. Я сел на кровати, провел ладонью по лицу, стирая ночные видения, и в полном отупении уставился на то место, где стоял призрак.

- Это сон! - уверенно произнес я и потрусил в ванну.

Холодные струи били меня по голове, изгоняя остатки ночного кошмара. Я насухо обтерся махровым полотенцем, закрутил его вокруг бедер и протянул руку к полочке, где были разложены бритвенные принадлежности, но сразу отдернул, будто сунулся в раскаленный духовой шкаф. Бритвенный станок был заботливо перевязан черной полоской органзы, походившей на часть вуали, покрывавшей голову ночного призрака.

Первым моим желанием было быстро покинуть вещи в дорожную сумку и покинуть место, где по ночам бродят привидения. Я уже вытащил баул из шкафа, но замер. Сумка от удивления раззявила рот и тоже замерла в моих руках.

- Я не сумасшедший! – обратился я к ней, заглянув в пасть, на дне которой лежало зарядное устройство от мобильного телефона. – Телефон! – развеселился я, ухватившись за подсказку, и, не выпуская из рук напарника по путешествию, продолжавшему удивленно пялиться на мир с открытым ртом, поискал глазами местное переговорное устройство. Я узнал из приложения номер администратора, набрал несколько цифр и приятным голосом спросил, ушла ли на репетицию актриса Елена Пробер из номера такого-то. Та проворковала, что не видела упомянутую женщину, поинтересовалась еще моими желаниями, я хотел сказать, что единственным моим желанием является заказ красивого венка на могилу отца и его любовницы, но не стал шокировать даму, поблагодарил и отключился.

- Расспросами я наведу на себя подозрения, - задумчиво произнес я. – А если рвану из гостиницы на вокзал, то тоже подведу себя под монастырь. Вдруг кто-нибудь из любопытствующей актерской братии видел нас вчера?.. Маловероятно, но допустимо... В любом случае надо отсидеться пару дней... Почему это отсидеться, в буду вести размеренную жизнь отдыхающего, включающую нудное однообразие – пляж – кафе – номер гостиницы. А вечером пойду на спектакль гастролирующего театра и внедряюсь за кулисы с разведывательной целью, изобразив из себя поклонника болтливых актрис, исходящих завистью к чужим успехам.

В программку была вписана фамилия Пробер, но затем перечеркнута и вписана некая Виолетта Самсонова. Я не вникал в сюжет, меня раздражала наигранная веселость, за портъерами которой притаилась трагедия. Как можно изображать радость, если исчезла одна из актрис? Пусть не народная и всеми любимая, но человек, который служил искусству вместе с вами.

Вместе с почитателями талантов я просочился за кулисы, заметил одну матрешку, все время вертевшуюся рядом с любовницей отца еще на вокзале. Мне хотелось найти грим-уборную Виолетты Самсоновой, выразить ей свое восхищение и вскользь поинтересоваться причиной подмены, оказавшейся весьма кстати. Думаю, после этих слов язык девушки развяжется, и я узнаю не только о сложных взаимоотношениях за кулисами

театра, но и подробности о Пробер. Но благодаря отличному слуху отложил визит к Самсоновой. Матрешка, хоть, и ораторствовала приглушенным шепотом перед небольшой частью труппы, но я уловил фразу, просветлившую мой ум.

- Она ушла вчера вечером после спектакля и с тех пор ее никто не видел...

Эх, ты, Андрюша, - мысленно попенял я, - нельзя так реагировать на сон! - А лента на бритвенном станке! - спросил противный внутренний голос. - Есть версия! - попытался обмануть я себя и его. - Горничная решила заявить о себе. Я ей вопрос о странном украшении, а она... слово за слово, в итоге завязался адюльтер. - Я потерял щетину на подбородке. Бриться меченым станком я не пожелал.

По дороге в гостиницу я зашел в аптеку и купил снотворное. Зашел в номер, быстро выпил несколько таблеток, не стал изучать углы и содержимое шкафов, бросил уставшее тело на кровать и закрыл глаза, особо не надеясь на скорое отключение. Но снотворное не замедлило заявить о своих отличных качествах и потянуло меня в другой мир...

Снова шорох, снова танцующая женщина вуали и тот же вопрос:

- Зачем ты это сделал?

И отключка до утра.

Пробуждение было более тяжелым, чем предыдущее. Из чего я заключил, что привыкнуть к посещению призрака невозможно. Он не только мешает выспаться и почувствовать бодрость, но во время потери сознания наполняет мою голову обломанными кирпичами, которые тарыхтят при малейшем движении и давят на мозг, мешая его нормальной работе. Без вчерашней резвости я отправиться в ванную, но не стал перешагивать порог без предварительного изучения бритвенного станка через щель. На нем красовалась еще одна полоска черной органзы.

Я осторожно прикрыл дверь и еле доплелся до кровати. Обломки кирпичей сместились к затылку, резкая тяжелая боль затащила меня в сети полусна...

Знакомый перезвон вырвал меня из беспомощности, я с трудом разлепил веки и увидел надрывающийся мобильник.

Это она... - с ужасом подумал я. - Ночью она танцует в моем номере, а днем звонит и задает вопрос, который не дает ей успокоиться на том свете. Не женщина, а бумеранг, ее бросаешь за борт, а она возвращается, но не в то место, откуда произведен бросок, а туда, где укрылся испуганный ее настойчивыми возвращениями бросатель.

Я накрылся с головой, чтобы не слышать звука, терзающего мой мозг. Телефон сразу смолк. Я выглянул из укрытия и самодовольно хмыкнул, словно вышел победителем их схватки. Но тут же мобильник снова напомнил о себе. Я уже хотела спрятаться в панцирь, но любопытство взяло верх над трусостью.

Не произнося привычных «алло», «я слушаю» и короткое «да», я замер в ожидании.

- Андрей Валерьевич, это Вы? - зазвучал в ухе голос студентки Тарелкиной, временно приобретшей профессию официантки.

Для начала я прокашлялся, а потом проскрипел.

- Это я. - Подумал и настороженно поинтересовался, - а это Анна Николаевна?

- Ага! - радостно заверила она и перешла на деловой тон, - я могу вернуть Вам долг!

- Так скоро?

- Ну, часть собрала, часть у подруги заняла.

- К чему такая спешка, я могу подождать.

- Неудобно, вдруг у вас... материальные затруднения.

- У меня нет никаких затруднений, - пролепетал я и подумал, что на лицо затруднения со здравым смыслом, но это поправимо - надо зайти в ванну, взять в руки станок и... выбросить его. Лучше в окно...

- Алло, Андрей Валерьевич, вы меня слышите? - испуганно произнесла Тарелкина.

- Слышу, - проскрипел я. – Знаете, Аня, сегодня никак не получится встретиться.
- Вы заболели?.. Я сразу по голосу поняла, что Вы нездоровы. У Вас ангина? Или на пляже перегрелись?
- Просто хандра.
- Но это поправимо! Хотите, я приеду и разгоню ее?
- Может быть, завтра?
- Завтра - завтра, не сегодня, - пропела она и снова поменяла настрой. _ Хорошо, я Вам перезвоню. Завтра.
- Я сам Вам позвоню! – отрезал я и отключился.

На столе стоял графин с водой и стакан. Я с трудом поднялся с кровати, три шага дались мне с большим трудом. Я осушил стакан воды, затем подумал и выпил еще один. Стало немного легче, ушло неприятное першение в горле. Я вернулся в кровать. Часы показывали три пополудни.

Надо бы пообедать, - начал я мысленно уговаривать себя и прислушался к желудку, который не выдал себя призывными звуками. – Нет, так нет, - вздохнул я, не удивившись покладистости. Аппетита не было, одна апатия.

Мать говорила, что все болезни надо лечить крепким сном. Сейчас я выпью снотворное и спокойно засну, без боязни, что меня снова посетит женщина в вуали. Днем она не посмеет. Я приподнялся и протянул руку к тумбочке, где рядом с мобильником поселилась упаковка с таблетками. Без воды я лекарство не протолкну, поэтому пришлось снова встать.

Я быстро проглотил таблетки и уже предвкушал легкое забытие, но увидел на подушке, под наволочкой, очертание лица Пробер. Оно походило на скульптурную маску из белой глины. Я заворожено смотрел на лицо врага, потом со всей силы ударил его кулаком правой руки, потом кулаком левой, и стал колотить попеременно, пока кисти не заболели. Зато лик врага капитулировал.

- Я не сумасшедший! Поняла? Не сумасшедший! – в изнеможении упал на кровать, отбросив подальше истерзанную подушку, и сразу заснул...

Снова женщина в вуали, снова танец, заканчивающийся в одной точке. И вопрос...

А поутру еще одна полоска оргазмы на бритвенном станке...

Я был разбит. Она хочет уничтожить меня, - мелькнула мысль в моей раздавленной обломками кирпичей голове. – А может, она хочет встретиться на том свете с отцом, и намекает на мое содействие в этом вопросе? Ей без разницы, где быть вместе, на этом свете или... в загробной жизни? Лена клялась, что жить без него – одно существование. Значит, она и на том свете не хочет оставаться одна. И если я соединю мужчину и женщину, то... могу быть спокойным – больше Пробер ко мне не явится. И чем скорее я это сделаю, тем лучше. Еще одной ночи кошмаров я не переживу.

Дело за малым – как организовать встречу двух влюбленных? Возвращаться в родной город и быстро расправиться с отцом? Но компетентные органы заинтересуются связью между двумя смертями и легко выйдут на меня. Лучше, если он умрет своей смертью. Допустим, не выдержит сердце от...

Я задумался: что может подействовать на отца, как удар молнии, с последующим разрывом сердца. Чем ударить, да побольнее? Смертью его возлюбленной? Мысль неплохая, но достигну ли я стопроцентного попадания? А не произвести ли контрольный выстрел? Как? Очень просто! Я могу прикинуться мертвым. Умереть понарошку. Кто-то позвонит отцу и скажет, что Вашему сыну срочно нужна помощь, он примчится, увидит страшную картину, которая пошатнет его здоровье, отправится за утешением к Пробер, а той и след простыл. Была и сплыла. Не сбежала с молодым кавалером, а... испарилась.

На самолете лететь меньше часа... Уверен, у меня все получится...

Пришло время воспользоваться помощью Анны Тарелкиной. Я позвонил девушке и пригласил на романтический ужин в свой номер, она поотнекивалась для вида и согласилась, пообещав прибыть ровно в семь.

Будущая подготовка придала мне силы. Для начала я решил стать брутальным, что выразилось в отказе от бритвы. Но не побоялся войти в ванную, не концентрируя внимание на полочке, на ощупь нашел станок, со скоростью кометы подлетел к окну и отправил бритвенную принадлежность в полет, произнес любимое слово «не-на-ви-жу».

- Жить стало легче, жить стало веселее, - задумчиво произнес я, разбавив молчаливое одиночество. Взглянул на наручные часы – подарок отца на окончание университета, снова почувствовал в душе пожар, а в голове – перекачивание кирпичных обломков, но успокоил себя, заявив, что скоро все наладится. Я освобожусь от этих людей и заживу в свое удовольствие.

Заказал по телефону ужин на двоих. На шесть часов. Я не ошибся – мне не нужен третий соглядатай, который припрется с подносом во время «Ч». Ровно в девятнадцать часов заявится пунктуальная Анна Тарелкина, на которую возложена главная роль.

К этому времени на столе будет лежать две записки – одна для гостьи с изложением моей последней просьбы – немедленно позвонить дорогому папочке, пусть порыдает над моим бездыханным телом, а другая – для любимого папочки, где полунамеком будет сказано, куда пропала его возлюбленная и при чем непосредственном участии.

А в это время я буду лежать в ванне с перерезанными венами, изображая покойника. Я не стану усердствовать, лишь слегка надрежу кровеносные сосуды на запястьях, придав картине отхода достоверность. И добавлю в горячую воду кетчупа, окрашу ее в завораживающий красный цвет, чтобы придать Тарелкиной ускорение. Итак, за несколько минут до назначенного часа я, скрипя сердцем, полосну по венам. В девятнадцать часов пять минут девушка позвонит отцу, пять минут я ей даю для глубокого изучения моего короткого посмертного письма, Валерий Иванович мужчина сообразительный и окружен влиятельными приятелями, один из которых настолько крут, что имеет собственный самолет, которым предложит воспользоваться другу, совершенно потерявшему голову от ужасной новости. Через пятнадцать минут господин Василенко будет в аэропорту, а еще через час, может меньше, он в Сочи, плюс переезд до гостиницы. На все про все... час сорок...

Я должен высидеть это время в окрашенной кетчупом воде.

Ой, забыл главное – надо приписать в послании к Тарелкиной, чтобы не вздумала вызывать скорую помощь. Пусть исполнит последнее желание умирающего – до врачей его должен увидеть самый близкий человек. Пусть он принимает последующие решения.

Я зашел в ванну и испугался, заметив нездоровый блеск в своих глазах. Ко всему они были красные, как у вампира.

- Я не сумасшедший! – закричал я и ударил кулаком по зеркалу. Из руки потекла кровь. Я открыл кран и подставил под холодную воду раненную кисть. – Сегодня будет много крови, - заверил я собственное изображение, разложенное по кусочкам в растрескавшемся зазеркалье...

Тарелкина задержалась на полчаса, завернув в салон красоты, желая преобразиться перед романтическим свиданием.

Может, красота и спасет мир, но она точно сыграла против Андрея Василенко.

Остатками сознания он уловил приход гостьи, которая зашла без стука, как было оговорено. Сначала позвала молодого человека по имени, затем полюбовалась сервированным столом, и, наконец, заметила две записки формата А4, свернутые пополам. Одна адресовалась отцу, другая – Анне. Она начала читать, охнула, приложив

пальцы к губам, а после осторожно приблизилась к ванной. Прислушалась, поозиралась... Время неумолимо отсчитывало последние минуты жизни Андрея. И приоткрыла дверь...

Перестарался с достоверностью и ошибся в расчетах, - мелькнула последняя мысль в голове парня и улетела, прихватив с собой все остальные...

Поздним вечером, когда тело сына увезли в местный морг, Валерий Иванович позвонил по мобильному телефону, вышел из номера и спустился на два пролета.

В дверях одного из номеров стояла женщина и смотрела, как к ней приближается мужчина, разом прибавивший десяток лет.

- Лена, у меня больше нет сына...

После встречи с Валерием все остальные мужчины перестали для нее существовать. Но это не значило, что девушка перестала ловить на себе заинтересованные взгляды. Поэтому подобно сверхмощному прибору воспринимала малейшие колебания мужского внимания. Так получилось с молодым человеком, пронизывающим ее колючим взглядом-стрелой. Она могла хорошенько рассмотреть парня, закрывшись темной оптикой. Он показался ей знакомым. Лена напрягла память, редко подводившую ее, и вспомнила. Вспомнила и испугалась.

Этого молодого человека девушка видела лишь однажды, и то на фотографии, которую носил с собой в портмоне любящий отец. Изображение было так себе, как на всех документальных фото, меняющих человека в худшую сторону. Пробер сразу подумала – эгоист. По капризно изогнутой линии губ, по презрительно-высокомерному взгляду. Так смотрят мальчишки в период самоутверждения, лет в четырнадцать-шестнадцать. По словам отца, Андрей снимался год назад на водительское удостоверение. Из чего следует, что парню было не менее двадцати двух лет. Пора бы остепениться в своих капризах и самостоятельно идти по жизни. Пусть отец на первых порах поможет, поддержит, но сидеть на его шее, свесив ножки и продолжать требовать эскимо на палочке, это перебор.

Лена не ревновала Валерия к сыну, ее раздражало безответное потребительство. Взрослый парень принимал родительскую заботу, не отвечая ничем, даже элементарной благодарностью. Старший Василенко рассказывал о непробиваемости мальчика, закрывшегося в своем горе и не допускающего единственного близкого человека. Но что Лена напоминала, что у Валерия с сыном общее горе, но он нашел в себе силы... не забыть, а спрятать несчастье, не спекулировать им, как это делает его сынок. Она хотела добавить, что страдания сына едва ли связаны с уходом матери, он злиться на нее – как посмела оставить любимое чадо, сдав на поруки вечно занятому отцу, надо было до пенсии его холить и лелеять. Пробер была уверена, что при жизни матери мальчик после получения диплома не бросился искать работу, а стал бы «бить баклуши», строя из себя непризнанного гения. Или порхал с одного места на другое, подолгу не задерживаясь, а после и вовсе осел в приятной атмосфере родного дома, где на цирлах ходит все понимающая родительница, поносящая нехороших людей. Теперь для парня настала другая жизнь. Отец удивил заявлением, что после окончания университета гений пополнит ряды обычных клерков, станет трудиться, как все рабы – с восьми до пяти. Или поболее... Андрея такая жизнь не устраивала. Обида на непонимающего отца засела внутри, ко всему добавилась неприязнь, когда он узнал о связи папаши с молодой девицей, явно претендующей на его наследство, все в купе повлияло на его мозги.

Такой вывод сделала Елена, соединив все имеющиеся факты. Валерий не раз хотел познакомить ее с сыном, но она отказывалась, находя причину. Хотя, знала, что рано или поздно сесть за стол с будущим родственником придется. Не за стол переговоров, парень

никогда не пойдет на уступки, закатит отцу истерику и станет требовать разрыва отношений с ЭТОЙ женщиной. Уступать Валерия взрослому чаду она не намерена, отступить не в ее правилах...

Когда Пробер поняла, кто сверлить ее взглядом, то поняла, что Андрей появился здесь неспроста. Может, хочет познакомиться со мной, узнать получше, - подумала она. – У парня проснулся интерес к знакомой его отца? Или он вынашивает другие планы? Например, решит приударить за мной, а я, ветренная и ненадежная, отвечу на его ухаживания, расплавившись под жаркими лучами июльского солнца, и совершенно потеряю голову, прогуливаясь вечером по набережной, где влюбленных ласкает морской бриз и призывает их к безумствам. Тем более сравнение двух мужчин будет не в пользу старшего. Закрутит легкомысленной особе голову, а после доложит папочке, приукрасив речь собственными дополнениями.

- Ай-ай-ай, папуля! Как ты мог?!

- Действительно, как я мог? – подумает отец и переложит объяснение с дамочкой на плечи отзвучившего сына, открывшего влюбленному мужчине глаза...

Лена еще раз окинула Василенко младшего оценивающим взглядом и с удовольствием констатировала, что сынок папе в подметки не годиться. В Валерии Ивановича чувствовалась сила и надежность, умение любить и принимать с уважением чужую любовь, ответственность за тех, кто рядом. Ко всему, несмотря на возраст, он приклеивал к себе женские взгляды. Он был высок, подтянут, загадочен. Девушка не представляла его бредущим бесцельно по улице в жутких бриджах, больше похожих на боксерские трусы, с голым торсом, и в шаркающих по асфальту шлепках, задники которых придавливают потрескавшиеся черные пятки. Господин Василенко был одет «с иголочки», предпочитая костюмы известных торговых марок, белые сорочки и галстуки. На ногах - начищенная до блеска обувь.

Сын не походил на отца не только внешне: он был небольшого роста, сутул и несимпатичен, но ко всему еще и задиристо неухожен. Весь мой невзрачный прикид - это вызов обществу! – трубил его вид.

Мальчик желает насолить отцу при каждом возможном случае, - мысленно решила Лена. Она представила, как заботливый отец пополняет сыну гардероб, расставаясь с кругленькой суммой, а тот идет в second hand и скупает самые отвратительные вещи и дорабатывает их на свое усмотрение, вырезая фигурные дырки в непотребных местах и выставляя напоказ волосатые конечности в купе с нижним линялым бельем советского производства.

Предположение о возможном ухаживании сразу отпало. Андрей не готов даже к игре в интерес, он для нее слишком мал, - подумала девушка. – Значит, преследует иную цель...

Пробер специально искала уединения, призывая младшего Василенко перейти в наступление. Она знала, что тот не выдержит, рано или поздно раскроет свое инкогнито и ненависть, до краев заполнившая его, выльется наружу и окатит женщину.

Только бы не захлебнуться, - без испуга подумала Елена.

Ее изводило напряжение, она была готова взять инициативу в свои руки, но пока не нашла предлога для знакомства. Ни с того ни сего потерять сознание в Дендрарии и понадеяться на его отзвучивость? Не вариант, мальчик эгоист переступит через тело и пойдет дальше, успев насладиться слабостью врага. А она, как дура, будет лежать на земле, и провожать его взглядом, надеясь на пробуждение сострадания.

Когда Пробер увидела худенького паренька с петлей в руках, она испугалась, в голове мелькнула мысль, что он хочет показательно покончить с собой – пусть мучается всю

жизнь, пусть считает себя виновной в его смерти. Естественно, девушка не могла пройти мимо. Заметила искорки безумия в его глазах, его подергивающуюся от тика щеку, дрожащие губы и захотела любыми способами успокоить парня, вернуть его отцу, которому будет нелегко пережить утрату.

Когда молодой человек назвался чужим именем, Елена поняла, что нутро у него темное, как и цели, о которых стоит только догадываться. Значит, надо продолжить знакомство и во всем разобраться, - решила она.

После долгих уговоров, Андрей – Антон согласился...

Пробер рассказало о встрече с сыном Валерия своей подруге – Любе Недосековой, которая предложила помощь и поддержку.

- Я буду рядом, и если что...

- Не надо, - остановила ее порыв Лена. – Это парень сумасшедший, а у таких людей обострены все чувства. Он заметит слезку, и я так и не узнаю его истинных намерений.

- Но его намерения могут иметь плохие последствия для тебя и...

- Я знаю, - снова перебила она. – Но жить в постоянном напряжении и боязни, что кто-то вставит тебе нож в спину, я больше не могу. Чем скорее я разберусь со всем этим, тем будет лучше для всех нас...

Один вопрос, брошенный как бы невзначай ее спутником, расставил все точки над «I» и заставил мобилизовать все внутренние силы.

Теперь Лена знал, что Андрей решил элементарно сбросить любовницу отца за борт, разнюхав, что та предпочитает один вид плавания – «топориком на дно». Он уже представлял девушку, распластавшуюся на этом самом дне, и внутренне ликовал. У него перестали перекачиваться желваки на скулах, что свидетельствовало о полном успокоении – мысленно он освободился от женщины, ставшей между ним и отцом.

Она специально завела разговор о чувствах, который помогают человеку преодолеть жизненные затруднения, когда ты отчаялся и думаешь, будто стоишь на краю обрыва.

Дрожь прошла по телу парня, он стал выплевывать ей в лицо накопившуюся обиду. Это она могла проглотить, но желание расправиться с Валерием, с отцом, готовым отдать за него жизнь, на которую этот сын готов посягнуть, заставило ее оцепенеть.

Девушка очнулась в воде, заключившую ее в объятия. Она легла на спину, немного отдышалась и поплыла к берегу, мысленно благодаря любимого брата за желание сделать из нее олимпийскую чемпионку. Он отказался от этой затеи после долгих уговоров со стороны семилетней сестры, желающей посещать драматический кружок при Доме культуры, но взял с нее обещание, посещать бассейн три раза в неделю для поддержания физической формы. Лена обещание сдержала, почти сдержала – ходила в бассейн не три, а один раз в неделю, проплывая по несколько километров.

Поэтому преодолеть расстояние от теплохода до заветного берега, для нее не стало затруднительным. Тем более, она тревожилась о любимом мужчине, который не догадывался о уготовленной ему участи. Девушка была уверена, что это не пустой треп, сын не остановится на середине пути. И не только о Валерии Ивановиче беспокоилась она. Был еще один человечек, жизнь которого зависела от нее. Он должен появиться на свет через полгода. Об этом чуде, поселившемся внутри нее, знает только Люба, но после гастролей Лена хотела заочно познакомить его с отцом, который будет на седьмом небе от счастья. Он положит ладонь на ее пока плоский живот, улыбнется и ласково начнет ворковать с ним. Или с ней. Лучше пусть будет девочка, Лерочка, Валерочка, Валерия, в честь отца...

Зарисовки из прекрасного будущего придали ей силы. Она ступила на холодную гальку, босоножки пришлось подарить морской владычице. Скрутила у тугой узел волосы, отжала, как белье после стирки, вскарабкалась по насыпи и уверенно зашагала в сторону

Сочи, призывно зазывающего ее своими разноцветными подмигиваниями. Темнота и лай собак ее не пугали, Лена была настроена решительно, готовая дать отпор любому.

Вдруг впереди замаячила фигура, спотыкающаяся на неровной дороге и поносящая всех и вся знакомым голосом.

- Любка, - прошептала девушка. – Люба! – закричала она и помахала рукой.

В ярком прожекторе ночного светила круглой формы предстала актриса в роли русалки перед единственным зрителем, бросившемся к ней и заключившим ее в объятия.

- Ленка, жива. Господи, благодарю тебя! – вознесла Недосекова очи к небу. – Леночка, я... я так волновалась.

- Что не удержалась и стала следить за нами.

- Я хотела проследовать за вами на теплоход, но меня, словно кто-то за руку взял и удержал на берегу... Есть высшие силы! Есть! – с уверенностью произнесла Любовь и стянула с себя пиджак. – Надевай, а то простудишься. – Затем скинула с ног туфли – балетки и приказал обуться.

- А ты? – спросила Лена, засовывая продрогшие ноги в теплое нутро туфель.

- Я привычная, - отмахнулась с улыбкой девушка, обняла подругу за плечи, и обе зашагали в гостиницу, обсуждая выходку Андрея Василенко.

Любка навела на мысль разыграть парня. Пусть это будет мезьтю за его поступок. А как актриса может отомстить – сыграть роль призрака. Пока Пробер принимала горячий душ, Недосекова «водила дружбу с горничной», пытаясь заполучить волшебную карточку – ключ от всех номеров гостиницы, в которых та производила уборку. Девуцу звали Верой Трегубовой. Она страдала от скуки и отсутствия новостей, коими ее не преминула угостить разговорчивая Любка, заполненная до краев рассказами о жизни знаменитостей, к числу которых относились артисты гастролирующего Драматического театра. Когда цель была достигнута, приятная собеседница откланялась, пообещав о скором продолжении.

Елена не думала, что все пойдет так далеко, она, напротив, пыталась вправить мозги Андрею, желая исцелить его от легкой степени безумства. Однако молодой человек перешел черту возврата...

Но если не я его, то он всех нас. И Валерия, и меня и малышку Лерочку.

Он бы не остановился, - мысленно оправдывалась она, сидя рядом с убитым горем отцом и поглаживая его по спине.

– Валерочка, я помогу тебе справиться с болью, – приговаривала она, а про себя думала, как расскажет о своей беременности, которая поможет мужчине справиться с утратой.

Но я никогда не расскажу ему о покушении на теплоходе и о своей роли призрака. Даже на смертном одре. – решила Елена. - Не надо выливать на близких ненужные признания. Пусть в виде отпущения грехов...

А когда душа отделится о тела, чтобы бросит последний взгляд на самых дорогих, самых любимых тебе людей, просто извинись за все. Ведь в жизни каждого возникали моменты, за которые было порой стыдно...

Июнь 2011года.

г.Ростов-на-Дону